

УДК [811.161.1.09-84+801.81]:27

ББК 83.3(2Рос)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-29-35>

Н. М. Орлова
Саратов, Россия

Nadezhda M. Orlova
Saratov, Russia

Библия и малые литературные жанры: русские паремии и цитаты

Bible and Small Literary Genres: Russian Proverbs, Sayings, and Quotations

Статья посвящена рассмотрению жанровых аспектов устойчивых выражений разного типа – пословиц, поговорок и цитат (афоризмов), восходящих к тексту Библии.

Выделяются два жанровых аспекта рассматриваемых явлений. Сами прецедентные тексты (в т.ч. паремии) библейского происхождения 1) являются или жанрами, или, по крайней мере, жанроподобными явлениями (возможно, фольклорными, но не обязательно) и в этом смысле имеют ряд важных структурных и содержательных признаков и образуют ряд структурных типов, 2) используются в составе ряда речевых жанров – и фольклорных, и литературных, и нехудожественных письменных, и разговорных.

Пословицы, поговорки и цитаты библейского истока органично вошли в языковую картину мира европейских народов, обогатили арсенал образно-выразительных средств и стали неотъемлемым компонентом художественной речи.

Несмотря на сложность определения их статуса как речевых и фольклорных явлений, характеристик и типологии, в когнитивной картине мира они объединены как концепты библейского истока.

Библейские языковые единицы проникали в речь и в пословичный фонд как через книги Священного Писания, так и через сборники изречений.

Указанные тексты малых фольклорных и литературных жанров находят свое место в структурно-семантической классификации в парадигме библейской прецедентности: однокомпонентные имена библейских концептов; многокомпонентные номинанты, представляющие собой ядро библейской концептосферы, содержащие в редуцированном виде фабулу множества ситуаций и конденсирующие единицы более высокого уровня (тексты, высказывания). Русский пословичный фонд включает обширный слой единиц, восходящих к библейским текстам. Наибольший интерес в аспекте связи малых фольклорных жанров и библейских выражений представляют предикативные единицы (высказывания, цитаты, паремии).

В качестве показателя генетической близости библейских высказываний и русских паремий можно назвать различные признаки, в первую очередь образно-ассоциативные и вербальные. Большинство библейских изречений трансформируется, теряя в процессе фольклоризации признаки книжного языка.

The article considers genre aspects of set phrases of different type such as proverbs, sayings and quotations (aphorisms), going back to the Bible.

The author singles out two genre aspects of the phenomena under consideration. The precedent texts (including pameias) of biblical origin themselves 1) are either genres, or at least genre-like phenomena (possibly of folklore nature, but not necessary) and in this sense have a number of important structural and substantial features and form a number of structural types, 2) are used as part of some speech genres – folklore, and literary, and non-artistic written, and conversational ones

Proverbs, sayings, and quotes of the biblical source make an integral part of the language picture of the world of European nations, enriched the arsenal of figurative and expressive means and became an indispensable component of fiction

Despite the complexity of defining their status as discourse and folklore phenomena, their characteristics and typologies, in the cognitive picture of the world they are combined as the biblical source concepts.

Biblical language units penetrated into discourse and became part of the proverbial fund both through the books of Scripture and through collections of aphorisms

These texts of small folklore and literary genres find their place in the structural and semantic classification in the paradigm of biblical precedence: single-component names of biblical concepts; multi-component nominees that represent the core of the biblical concepts, containing a reduced version of many plots and condensing units of a higher level (texts, statements). The Russian proverbial fund includes an extensive layer of units dating back to biblical texts. In the aspect of the connection of small folklore genres and biblical expressions predicative units (sayings, quotes, proverbs) are of most interest.

As an indicator of the genetic proximity of biblical statements and Russian proverbs one can name various properties, primarily figurative-associative and verbal ones. Most biblical sayings are transformed, losing in the process of folklorization properties of the bookish language.

Ключевые слова: прецедентность, Библия, малые фольклорные жанры, пословицы, цитаты.

Keywords: precedence, Bible, small folklore genres, proverbs, quotations.

Сведения об авторе: Орлова Надежда Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

About the author: Orlova Nadezhda Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: nador2006@rambler.ru

E-mail: nador2006@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7590-6489>

<https://orcid.org/0000-0001-7590-6489>

В предлагаемой работе осуществляется рассмотрение разножанровых малоформатных текстов библейского истока в прецедентной парадигме. Приступая к разговору о связи русского паремиологического фонда с библейским текстом, мы должны сказать о чрезвычайной сложности жанровых и теоретических характеристик паремий в кругу малых жанров фольклора, соотношения статуса паремий и речевых формул, паремий и фразеологических единиц, паремий и афоризмов нефольклорного происхождения, о бивалентности паремий как речевых и одновременно фольклорных явлений. Их свободная погруженность в речь, отсутствие строгих требований к коммуникативной ситуации (в отличие, например, от такого малого жанра, как анекдот), мобильность в сфере функционирования обуславливают выполнение ими прагматической функции трансформации блоков разнообразной культурной информации.

При всех трудностях разграничения устойчивых выражений и паремий, разнообразия типологий и терминологических (эти сложности во многом имеют объективный характер, и даже в работах последних лет подчеркивается их чрезвычайная близость) можно разделить мнение Н. Ф. Алефиренко о том, что фразеологизмы, паремии и афоризмы – это разновидности устойчивых выражений, обладающие своим набором структурных, семантических и функциональных особенностей; «в основе пословицы лежат не понятия, как у фразеологизмов, а суждения» [1: 56]. Поэтому, говоря о паремиях, структурно, семантически и генетически связанных с Библией, мы не можем обойти вниманием афоризмы и прямое цитирование.

Требуются также уточнения, связанные с классификацией концептов библейского истока, именами которых являются указанные паремии, с точки зрения их структурно-семантической специфики в парадигме библейской прецедентности. Эти номинанты могут быть однокомпонентными и многокомпонентными (фразеологизмы). Третий вид номинантов –

предикативные единицы, высказывания, цитаты, паремии [2: 24–25]; иными словами, с точки зрения когнитивистики указанные единицы также имеют много объединяющих их признаков.

Однокомпонентные имена библейских концептов чаще всего представляют собой имена собственные, в том числе такие, которые эксплицируют ситуацию в «парном» виде: *Адам и Ева, Молох, Руфь, Самсон, Голиаф, Иов, Иона, Исав и Иаков, Лия и Рахиль, Сарра и Агарь, Содом и Гоморра, Вавилон*. Примеры пополнения фонда текстов малых фольклорных жанров на основе использования этих имен немногочисленны, но отличаются яркостью и выразительностью – как в поговорках (*это не дом, а содом*), так в других малых фольклорных жанрах (ср. загадку: *гроб плывет, мертвец поет* – Иона во чреве кита).

Многокомпонентные номинанты – фразеологизованные словосочетания, ядро библейской концептосферы. Этот пласт фразеологических библеизмов неоднократно подвергался изучению в плане выявления соотносительности фразеологизмов с текстом Священного Писания, их вариативности, сопоставления универсальных фразеологических библеизмов в разных языках, а также лексикографическому описанию: *запретный плод, фиговый листок, Вавилонское столпотворение, святая святых, египетские казни, Неопалимая купина, манна небесная, золотой телец, обетованная земля, козел отпущения, корень зла, злачное место, ложь во спасение, глас вопиющего в пустыне, мерзость запустения, краеугольный камень, колосс на глиняных ногах, камень преткновения, хлеб насущный, притча во языцех, со страхом и трепетом, в поте лица*. Указанные концепты в редуцированном виде содержат фабулу ряда ситуаций или конденсируют в себе прецедентные единицы более высокого уровня (тексты, высказывания).

Третий вид номинантов – предикативные единицы (высказывания, цитаты, паремии), т. е. микротексты, занимающие в кругу биб-

лейских концептов промежуточное положение между сформированным концептом как категориальной единицей и прецедентной отсылкой. Это языковое явление представляет наибольший интерес в аспекте связи малых фольклорных жанров и библейских выражений.

Путь проникновения библейской стилистики в устную речь, а через нее и в пословичный фонд не всегда проходил через библейские книги. Бесспорно, Псалтырь, много веков бывшая первой книгой для чтения, в течение всего средневековья оставляла следы в литературной письменной и устной речи; запоминались отрывки из Ветхого Завета, входящие в Паремийник, фрагменты Евангелий и Апостольских посланий, которые также читались во время церковной службы; богатый материал давали тексты, относящиеся к учительным жанрам, сборники афоризмов-изречений, составлявшиеся в христианской Византии, на славянском юге и позднее на Руси. Таковы, например, афоризмы из Изборника Святослава 1073 года. А. В. Григорьевым [3] установлены также добиблейские источники библейских фразеологизмов.

Еще В. П. Адрианова-Перетц обращала внимание на то, что «буквальные цитаты-изречения не характерны для бытования библейских афоризмов рядом с народными по происхождению пословицами. Обычно в той или иной мере сама книжная форма перестраивается: изречение становится лаконичнее, иногда приобретает ритмичность, а порой и рифму» [4: 9].

Действительно, точные библейские цитаты сравнительно редко переходили в разряд общеупотребительных пословиц. Это, как правило, библейские афоризмы, лишённые ярко выраженной библейской стилистики, изначально имевшие простую и изящную форму и потому не нуждавшиеся в народной обработке. К пословицам можно отнести такие широко известные библейские изречения, как *око за око, зуб за зуб (Матф., 5:38), не судите, да не судимы будете (Матф., 7:1), не всякому слову верь (Сирах, 19:16), железо железо острит (Соломон, 27:17), Бог дал, Бог и взял (Иов, 1:21), всему свое время (Екклес., 3:1).*

Однако большинство библейских изречений так или иначе трансформируется, теряя в процессе фольклоризации признаки книжного языка: они сокращаются, упрощается их структура и синтаксис, происходит замена старославянизмов более современной и стилистически нейтральной лексикой, нередко появляются характерные для пословиц ритм и рифма. Если указанные трансформации незначительны, связь между библейским

и пословичным текстом представляется очевидной: *Что посеет человек, то и пожнет (Гал. 6, 7), Кто сеет скупое, тот скупое и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет (2 Кор. 9, 6), ср.: Что посеешь, то и пожнешь; Кто копает яму, тот упадет в нее, Кто роет яму, тот упадет в нее (Екклес., 10:8 Притч. 26, 27), ср.: Не рой другому яму – сам в нее попадешь; Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина (Иеремия, 31:29), ср.: Отцы клюкву ели, а у детей оскомина; Погибели предшествует гордость и падению надменность. Лучше смиряться духом с кроткими, нежели разделять добычу с гордыми (Притч. 16.18–19); ср.: Дьявол гордился, да с неба свалился.*

Показателем генетической близости библейских высказываний и русских паремий служат различные признаки, в первую очередь вербальные и образно-ассоциативные [5: 13–14]; образно-метафорическая форма пословицы представляется одним из доминирующих жанровых признаков, что всегда подчеркивалось фольклористами; в частности, В. П. Аникин отмечал: «Главный содержательный момент в пословице не сама по себе форма логической мысли и уж, конечно, не грамматическая форма, а образный художественный смысл, передаче которого равно служат и грамматика, и логика. И то, и другое существует ради выражения образного содержания в пословицах и поговорках» [6: 265]. Поэтому пословичный текст можно считать генетически связанным с близким по содержанию текстом библейского афоризма, если в нем сохранено образное ядро (при полном лексическом сходстве, т. е. наличии одинаковых или семантически предельно близких полнозначных слов) либо лексические замены осуществлены на основе прозрачных ассоциаций с исходным текстом. Показатели эти в большинстве случаев позволяют установить генетическую связь близких по смыслу библейских и пословичных текстов. Лексическая близость в текстах близкого содержания является достоверным сигналом генетического родства: *Не оставляй старого друга, ибо новый не может сравниться с ним (Сирах, 9:12), ср.: Старый друг лучше новых двух; Помыслы в сердце человека – глубокие воды (Соломон, 20:5), ср.: Чужая душа – потемки; Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь (Сирах, 7:39), ср.: Бойся бога – смерть у порога; Кривое не может сделаться прямым (Екклес., 1:15), ср.: Горбатого могила исправит; Забота прежде времени приводит старость (Сир. 30, 26), ср.: Не работа старит, а забота.*

Среди русских пословиц и поговорок, восходящих корнями к библейским текстам, в осо-

бенности к Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Книге притчей Соломоновых, пророческим Книгам, можно отметить следующие: *Язык мой – враг мой; старый друг лучше новых двух; человек предполагает, а Бог располагает; до неба (Бога) высоко, а до царя далеко; двое дерутся, третий не подходит; дурака хоть в ступе толки; живьем проглотить; ловить на слове; верить всякому слову; за весельем горесть ходит по пятам; судить нелицеприятно; добрая жена веселье, а худая – зло зелье; хочешь есть калачи, так не сиди на печи; спать сном праведных – и многие другие.*

Анализ примеров функционирования паремий библейского истока в текстах художественных жанров убедительно доказывает не только текстообразующую и смыслообразующую функцию этих языковых единиц, но и их роль в языковой и когнитивной картине мира. Обращение русских классиков к бесценным строкам библейской мудрости, включение их в художественную ткань повествования и придания им стилистической значимости – всё это способствовало окончательному формированию смысловой структуры многих концептов, инициированных текстом Библии.

Человек предполагает, а Бог располагает. Прецедентная отсылка к тексту Книги притчей Соломоновых с сохранением общей образности: *Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его* (Притч. 16.9). Ср. у А. Писемского: *Я уведомил тебя, что еду в Москву определяться в статскую службу; но человек предполагает, а Бог располагает; капризная фортуна моя повернула колесо иначе: вместо службы, кажется, выходит, что я женюсь* (Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына (Брак по страсти)).

Двое дерутся, третий не подходит; свои собаки грызутся, чужая не приставай. Ср.: *Хватает пса за уши, кто, проходя мимо, вмешивается в чужую ссору* (Притч. 26.17). Интересно, что в русских пословицах присутствуют образы и «чужой ссоры», и «разъяренной (дерущейся) собаки», которые в библейском высказывании аккумулируются в сравнении («вмешиваться в чужую ссору» = *хватать собаку за уши*). В текстах русской классики: *У нас целая деревня смотрит, как пьяный мужик бьёт вожжами жену посреди улицы, и говорит: свои собаки грызутся, чужая не приставай* (Г. Успенский. Скучающая публика. Побойще). *С женою моею ты не мори меня; разве ты не ведаешь пословицы: свои собаки грызутся, чужая не приставай* (Д. Фонвизин. Бригадир).

Дурака хоть в ступе толки. Почти дословное воспроизведение высказывания из Книги

притчей: *Толки глупого в ступе пестом вместе с зерном, – не отделится от него глупость его* (Притч. 27.22). У Н. Лескова: *И другими даже, – подтвердила Форова, целуя в лоб Синтянину. – Это, господа, не человек, а... кто его знает, кто он такой: его в ступе толки, он будет вокруг толкача бегать* (На ножах).

Живьем проглотить. Выражение восходит к нескольким библейским текстам: *Если б не Господь был с нами, то люди живых проглотили бы нас* (Пс. 123.3). *Сын мой! Если будут склонять тебя грешники, не соглашайся; если будут говорить: иди с нами, сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины, живых проглотим их, <...> не ходи в путь с ними, удержи ногу твою от стези их* (Притч. 1.10–15). Яркая образность прецедентного высказывания дала импульс для появления пословицы (*Будешь сладок – живьем проглотят; будешь горек – проклянут*) и активному обращению к нему в русской литературе: *А послы говорят: он нас до того часу живем съест и на помин души не оставит* (Н. Лесков. Стальная блоха); *Нетерпеливый и гневный Чичерин увидал себя одураченным и возвратился в Тобольск, скрежеща зубами и иский кого поглотити* (Н. Лесков. Сибирские картинки XVIII века).

Ловить на слове. Исполненное глубокого смысла, частотное и актуальное в современной речи высказывание содержит прецедентную отсылку к Притчам Соломона: *Сын мой! Если ты поручился за ближнего твоего и дал руку твою за другого, – ты опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих* (Притч. 6.1). Многоплановость образа, лежащего в его основе, дает возможность для переосмысления его семантики, развития переносных значений и оттенков значения: «воспользовавшись произнесённым словом, обещанием, заставляя выполнить то, что сказано, обещано»; «находить противоречие в словах собеседника»: *Кого же прежде смотреть, та tante, актрису или проповедника? – спросил Нехлюдов, улыбаясь. – Пожалуйста, не лови меня на словах* (Л. Толстой. Воскресение); *У нее была какая-то страсть – ловить всех на слове, уличать в противоречии, придираться к фразе* (Чехов. Учитель словесности).

Верить всякому слову. Ср.: *Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим* (Притч. 14.15). У Леонида Андреева высказывание воспроизводится дословно: *Глупый верит всякому слову, благоразумный внимателен к путям своим* (Иуда Искариот); в современном тексте жанра фэнтези: *Тогда ты понимала бы в мужчинах*

и остерегалась бы верить всякому слову неведомого бродяги (М. Семенова, А. Константинов. Знак Сокола).

Судить нелицеприятно. Лексикографические данные свидетельствуют, что выражение имеет значение 'судить о чем-л. беспристрастно, справедливо': *У кого мысль берет верх, тот ищет истины и неумолимо, нелицеприятно проводит начала, как сен-симонисты некогда, как Прудон до сих пор* (Герцен. Былое и думы); *Сам для себя он привык быть нелицеприятно строгим судьбою, и, как бы придиричиво он ни отнотился к этой своей работе, ему казалось, что она удалась* (Сергеев-Ценский. Преображение России. Пушки выдвигают); *Ваш долг есть: сохранять законы, На лица сильных не взирать* (Державин. Властителем и судьям). Ср. с текстами Библии: *Иметь лицеприятие на суде – не хорошо* (Притч. 34.23); *Не делайте неправды на суде, не будь лицеприятен к нищему и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего* (Лев. 21.15); *Не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушайте* (Втор. 1.17). Однако мы можем говорить о дальнейшей энантиосемичной эволюции значения компонента *нелицеприятно* (*нелицеприятный*), употребляющегося в значении 'неодобрительный'.

Лучше жить со змеею, чем со злою женою. Высказывание, имеющее интертекстуальную смысловую связь со многими цитатами из текста Библии, приобрело в своей структуре новый компонент (*змея*) и одновременно рифмованную пословичную форму при сохранении общего смысла и образа (*змея* выступает в ряду семантически однородных наименований опасных и злобных созданий): *Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злою женою* (Сир. 25.18); *Лучше жить в земле пустынной, нежели с женою сварливою и сердитою* (Притч. 21.19); *Лучше жить в улу на кровле, нежели со сварливою женою в просторном доме* (Притч. 25.24). В русской литературе может употребляться как близко к тексту Библии, так и со сходными по смыслу трансформациями: *Болит головушка и все тело мое от злой жены. Истинно во святом писании сказано: «Удобнее человеку со львом и скорпием жити, неже со злою женою».* *От дочки вашего степенства житья мне нет* (Мельников-Печерский. На горах).

За тобою, что за каменною стеною. Ср.: *Имя Господа – крепкая башня: убегаает в нее праведник – и безопасен* (Притч. 18.11). В разных модификациях: *Соломин не только не мог солгать или прихвастнуть: на него можно было положиться, как на каменную стену* (Тургенев. Новь).

На ус мотать. Смысловой аналог с текстом Библии: *Сын мой! храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей; навяжи их навсегда на сердце твое, обяжи ими шею твою* (Притч. 6.20–21); *И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём...; и навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими* (Втор. 6.6–8). Концепт, инициированный текстом Библии, занимает прочное место в русской языковой картине мира: *«Любим Торцов:» Только ты слушай да на ус мотай* (А. Островский. Бедность не порок); *«Ляпкин-Тяпкин:» Начальство имеет тонкие виды; даром, что далеко, а оно себе мотает на ус* (Гоголь. Ревизор); *Читатель-простец составляет ядро читательской массы... газетчик знает это и мотает себе на ус: «надобно устроить так, чтобы простец читал именно мою газету»* (Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни).

Распространенным способом обогащения литературных жанров является прямое цитирование Библии. Эти цитаты в силу высокой прецедентности текста-источника приобрели статус крылатых выражений (афоризмов) и такие признаки указанных малых жанров, как универсальный характер, генерализованность, способность к динамическому варьированию (*вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю, избави нас от мужа кровей, отойди ото зла и сотвори благо, праздники ваши ненавидит душа моя, избавь нас от мужа кровей, бездна бездну призывает* и др.).

Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю (1 Цар. 14.43). Это наиболее известное упоминание о меде из 1 Книги Царств. «Мед» как обозначение изобилия, счастья вербализует семантическое поле, концептополе ('счастье'). В русской филологической традиции цитата актуализирована под влиянием поэмы М. Лермонтова «Мцыри»; это одно из самых частотных высказываний у Н. Лескова:

Поздно вижу я, что искал света и тепла там, где был один заводящий в трясины блеск, и что вместо полной чаши, которую я хотел выпить, я, «вкушая, вкусил мало меду и се аз умираю» (Блуждающие огоньки).

Какая юность, какая свежесть угасла!.. Вот именно «вкусил мало меду и умер» (Интересные мужчины).

Крылатое выражение *отойди ото зла и сотвори благо* в прозе и эпистолярной русской писателей употребляется в буквальном и преобразованном виде, в значении, близком к библейскому, а также в ироническом переосмыслении: *Удалюсь от зла и сотворю благо. Брошу службу и займусь рифмой* (Пушкин. Письмо Александру Ивановичу Тургеневу).

неву); <Тараканов:> *Отойди, сказано, от зла и сотворишь благо...* <Антипа:> *Дудки! Ничего не сотворишь, отойдя от зла, ничего, таракан! Нет, ты иди в самое во зло, в сердце ему бей, вали его наземь, топчи, уничтожь, а не поддавайся ему, не давай одолеть тебя – вот как надо!* (М. Горький. Зыковы); – *Врешь, ученая дура! Политике я учу, а не лакейству, политике жизни... Ты вот что – удались! Отыди от зла... и сотвори нам закуску* (М. Горький. Фома Гордеев); *Так отошли от жизни три страстно стремившиеся к праведности воспитанника русской инженерной школы. На службе, к которой все они трое готовились, не годился из них ни один. Двое первые, которые держались правила «отыди от зла и сотвори благо», ушли в монастырь, где один из них опочил в архиерейской митре, а другой – в схиме. Тот же третий, который желал переведаться со злом и побороть его в жизни, сам похоронил себя в бездне моря* (Н. Лесков. Инженеры-бессребреники).

Наиболее известный текст русской классики, включающий это высказывание с целью предсказания, предначертания, адресованного герою (в контексте с суеверным «предзнаменованием», дурной приметой), – «Дубровский»:

Навстречу Дубровскому попался поп со всем причетом. Мысль о несчастливом предзнаменовании пришла ему в голову. Он невольно пошел стороною и скрылся за деревом. Они его не заметили и с жаром говорили между собою, проходя мимо его.

– *Удались от зла и сотвори благо, – говорил поп попадье, – нечего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось. – Попадья что-то отвечала, но Владимир не мог ее слышать.*

Эта библейская цитата отмечена в современных публицистических текстах, прямо или косвенно связанных с нравственной или религиозной тематикой (напр., в названии беседы с народным целителем «*Отойди от зла и сотвори благо*»).

Причудливой является смысловая эволюция выражения *Иди ко мравью, о лениве!*,

восходящему к тексту Книги притчей Соломона: *Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни пристаownika, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. (Или пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и цари и простолюдины; любима же она всеми и славна; хотя силою она слаба, но мудростью почтена)* (Притч. 6.6–8). Русская литературная и культурная парадигма не дает большого количества примеров для иллюстрации прецедентности этого текста, хотя они отмечены и в художественных, и в нефикциональных жанрах: <...> *я не сижу без дела и ко «мравью», право, мне незачем идти <...>. Если Вы возьмете все это в совокупности в расчет, то Вы не только раздумаете посылать меня ко «мравью», но, верно, подивитесь, как еще много жизни в моем уме* (письмо Конст. Леонтьева к Т. И. Филиппову 14 марта 1890 г.). При этом *муравей* и *пчела* как символы трудолюбия, противопоставленные разного рода «ленивцам», заняли прочное место в языковой и когнитивной картине мира, о чем свидетельствуют паремии, отмеченные Далем: *Муравей не велик, а горы копает; Муравей не по себе ношу тащит да никто спасибо ему не молвит, а пчела по искорке носит, да Богу и людям угождает* (см. также отчетливую интертекстуальную связь с басней И. А. Крылова).

Таким образом, мы можем говорить не только о роли библейского текста в мировом литературном каноне и вкладе Библии в европейскую лингвокультуру, но и конкретно о том, что весьма восприимчивым в отношении библейских выражений и библейской образности оказался паремийный и цитатный жанры «Неумолкаемость цитаты», о которой говорил Осип Мандельштам, в полной мере свойственна Библии как прецедентному источнику, обогатившему малые литературные и фольклорные жанры всех европейских языков и литератур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н.* Фразеология и паремология. М.: Флинта; Наука, 2009. 344 с.
2. *Орлова Н. М.* Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 50 с.
3. *Григорьев А. В.* Источниковедение истории русской библейской фразеологии: автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 40 с.

4. *Адрианова-Перетц В. П.* Библейские афоризмы и русские пословицы // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVI. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. С. 8–12.

5. *Занглигер В.* О показателях генетической связи между близкими по содержанию библейскими и пословичными текстами // Болгарская русистика. 2003. № 3–4. С. 10–15.

6. *Аникин В. П.* О «логико-семиотической» классификации пословиц и поговорок. Русский фольклор.

Историческая жизнь народной поэзии. Вып. XVI. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. С. 263–278.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and Paremiology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ. 344 p. (in Russian).
2. Orlova N. M. *Bibleyskiy tekst kak pretsedentnyiy fenomen* [The Bible Text as a Precedent. Phenomenon]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 2010. 50 p. (in Russian).
3. Grigor'ev A. V. *Istochnikovedenie istorii russkoj biblejskoj frazeologii* [Source study of the history of Rus-

sian biblical phraseology]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2008. 40 p. (in Russian).

4. Adrianova-Peretetz V. P. Biblical aphorisms and Russian Proverbs. *Proceedings of the ancient Russian literature Department*, vol. XXVI. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, 1971, pp. 8–12. (in Russian).
5. Zangliger V. On indicators of genetic connection between biblical and proverbial texts close in content. *Bulgarian Studies of Russian philology*, 2003, no. 3–4, pp. 10–15 (in Russian).
6. Anikin V. P. On the “logical-semiotic” classification of Proverbs and sayings. *Russian folklore. The historical life of folk poetry*, 1976, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, 1976, iss. XVI, pp. 263–278 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Орлова Н. М. Библия и малые литературные жанры: русские паремии и цитаты // *Жанры речи*. 2020. № 1 (25). С. 29–35. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-29-35>

For citation

Orlova N. M. Bible and Small Literary Genres: Russian Proverbs, Sayings, and Quotations. *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 29–35 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-29-35>

Поступила в редакцию: 22.03.2019 / Принята: 01.06.2019 /
Опубликована: 02.03.2020

Received: 22 March 2019 / Accepted: 01 June 2019 /
Published: 02 March 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)